

М.Э.Никитин
**ВОЕННЫЙ ОПЫТ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЛИДЕРОВ
И КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ
НА ПРИМЕРЕ АФРИКИ**

Максим Эльдарович Никитин — бакалавр политических наук Московской высшей школы социальных и экономических наук и Университета Манчестера (BA (Hons) in International Politics), магистрант программы «Доказательное развитие образования» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: mxn@universitas.ru.

Аннотация. В последнее десятилетие в международно-политической науке наметилась тенденция к возвращению человека в фокус исследования. Все большее число исследователей признает: чтобы понять поведение государства, необходимо учитывать установки и поведение государственных лидеров. Предполагается, что такой угол зрения поможет опровергнуть шаблонное представление, согласно которому конфликтные ситуации возникают исключительно под влиянием экзогенных факторов, и если какое-то событие произошло, то лишь потому, что оно было детерминировано внешней средой.

В статье предпринята попытка проанализировать влияние военного опыта государственных лидеров на участие возглавляемых ими стран в вооруженных конфликтах на примере авторитарных режимов в Африке. Используя метод регрессионного анализа, автор прослеживает, каким образом прошлый военный опыт отражается на склонности государственного лидера к конфликтным действиям во внешнеполитической сфере. В центре его внимания три типа такого опыта: (1) служба в армии без участия в боевых действиях (преимущественно штабная); (2) личное участие в боевых действиях; (3) участие в повстанческих вооруженных формированиях.

Проведенное исследование доказывает, что военный опыт оказывает серьезное и устойчивое влияние на последующее поведение лидеров. При наличии у лидера штабного прошлого статистическая вероятность инициирования им вооруженного конфликта в 2,7 раза выше, чем при отсутствии такового. Увеличивает вероятность инициирования военных действий и участие в повстанческих группировках. В свою очередь боевой опыт имеет

противоположный эффект: вероятность того, что лидеры с боевым опытом будут инициировать военные конфликты, в два раза ниже, чем в случае лидеров, не бывавших на поле боя.

Ключевые слова: государственные лидеры, военный опыт, вооруженные конфликты, авторитарные режимы, Африка

Введение

Не будет преувеличением сказать, что историю творят люди. От войн и протестов до выборов во многом детерминирующее значение имеет то, как ведут себя люди. Прежде всего это касается лидеров государств, которые вносят немалый вклад в определение судеб своих стран и формирование политического ландшафта в целом. Одна из наиболее очевидных проекций этой роли — принятие решения о войне и мире. Именно лидеры в конечном счете несут ответственность за вступление своей страны в войну или ее предотвращение. При этом лидеры по-разному реагируют на внешние вызовы и угрозы, и характер этой реакции не в последнюю очередь зависит от их прошлого опыта. Здесь уместно вспомнить Карибский кризис 1962 г., когда мир оказался на грани ядерной катастрофы. 26 октября Никита Хрущев, прошедший через Гражданскую и Великую отечественную войну, направил президенту США Джону Кеннеди письмо, в котором, в частности, говорилось: «...Если действительно разразится война, то остановить ее будет не в наших силах, ибо такова логика войны. Я участвовал в двух войнах и знаю, что война заканчивается, прокатившись по городам и селам, сея повсюду смерть и разрушения. <...> ...только безумец может верить, что оружие — главное в жизни общества. Нет, оно предполагает бессмысленную растрату человеческой энергии и, более того, нацелено на уничтожение самого человека. Если люди не проявят мудрости, то в конце концов столкнутся между собой, как слепые кроты, и тогда начнется взаимное истребление»¹. Не вызывает сомнений, что подобный взгляд Хрущева на войну сыграл свою роль в разрешении кризиса.

¹ *Khrushchev 1962.*

В течение многих десятилетий международно-политическая наука противилась включению лидеров в число центральных единиц анализа, концентрируясь на элементах «общей картины», таких как структура международной системы или баланс сил. Так, в рамках структурного реализма и неолиберального институционализма, вот уже почти 60 лет доминирующих в теории международных отношений, внимание сосредоточено на системных и государственных факторах и атрибутах, способных влиять на вероятность конфликта между государствами. Приверженцы данных подходов исследуют стимулы и ограничения, с которыми сталкиваются государства, оставляя вне поля зрения индивидуальных акторов, включая лидеров.

В последнее десятилетие в академической среде намечилась тенденция к возвращению человека в фокус исследования, в том числе в сфере международной политики. Как подчеркивают, в частности,

² Byman and Pollack 2001: 109.

Даниэль Байман и Кеннет Поллак, «цели, способности и недостатки отдельных людей имеют решающее значение для намерений, возможностей и стратегий государства»². Все большее число исследователей признает: чтобы понять поведение государства, необходимо учитывать установки и поведение государственных лидеров. Предполагается, что такой угол зрения поможет опровергнуть шаблонное представление, согласно которому конфликтные ситуации возникают исключительно под влиянием экзогенных факторов, и если какое-то событие произошло, то лишь потому, что оно было детерминировано внешней средой. Ведь балансирование, выбор стратегии и т.п. во многом являются результатом личных решений. Все это указывает на важность изучения индивидуальных акторов (лидеров).

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать влияние военного опыта государственных лидеров на участие возглавляемых ими стран в вооруженных конфликтах на примере авторитарных режимов в Африке. Используя метод регрессионного анализа, мы постараемся проследить, каким образом прошлый военный опыт отражается на склонности государственного лидера к конфликтным действиям во внешнеполитической сфере.

Теоретическая рамка

³ Ripsman, Taliaferro, and Lobell 2016: 16—30.

В качестве теоретической рамки нашего исследования выступает неоклассический реализм, совмещающий в себе элементы классического и структурного реализма и делающий акцент на взаимосвязи структуры международной системы и внутригосударственных факторов³, что в свою очередь предполагает упор на перцепции государствами международной системы. Данный подход обладает большей объяснительной силой, нежели структурный реализм *per se*, включая в анализ внутренние политические и перцептивные процессы, учет которых позволяет точнее разобраться в логике выбора государством того или иного решения и нюансировать связь между внешней средой и действиями лидера⁴.

⁴ *Ibid.*: 31.

Согласно неоклассическому реализму, одной из ключевых переменных в мировой политике является *стратегическая среда государства*, которая может быть разрешительной (*permissive*) или ограничительной (*restrictive*). Различие между разрешительной и ограничительной стратегическими средами определяется «неизбежностью и масштабностью угроз, с которыми сталкиваются государства, и открывающимися перед ними возможностями»⁵. Как отмечают Норин Рипсман, Джеффри Талиаферро и Стивен Лобелл, «при прочих равных условиях, чем неотвратимее и опаснее угроза (и реальнее и заманчивее возможность), тем более ограничительной является стратегическая среда государства. И наоборот: чем менее непосредственны и интенсивны угрозы и возможности, тем более эта среда разрешительная»⁶. При этом в стратегических средах второго типа реакция государства на угрозы и его способность балансировать в значительной мере зависят от внутриполитических обстоятельств⁷. В рамках разрешительной стратегической

⁵ *Ibid.*: 52.

⁶ *Ibidem*.

⁷ *Ibid.*: 93—95.

среды внутренние характеристики оказывают существенное, а иногда и ключевое влияние на действия государства, что упрощает выявление роли институциональных и/или личностных факторов.

Необходимо подчеркнуть, что подобная трактовка не умаляет важности структурных особенностей среды, которые по-прежнему определяют базовые параметры вероятного стратегического выбора, а также диапазон возможных результатов в международной политике; в этом плане неоклассический реализм не означает возвращения к тому, что Кеннет Нил Уолтц называл «вторым образом» (то есть к представлению, что причины войн коренятся в «дефектах» государственного устройства)⁸. Речь идет скорее о том, что при отсутствии экзистенциальных или просто очевидных угроз извне следует ожидать повышения значимости внутренних институтов и моделей отношений между властью и обществом для понимания конкретных действий государства.

⁸ *Ibid.*: 95—97.

Данное теоретическое допущение позволяет нам сфокусироваться на том, что обычно учитывается лишь в качестве промежуточных переменных, а именно на внутренних характеристиках государства, которые начинают играть ключевую роль в объяснении его поведения в международно-политической сфере. Логика, в которой мы рассматриваем такие характеристики, продолжает общий реалистский стиль объяснения: институты государства трактуются как среда, которая может обеспечивать лидерам большую свободу действий либо, наоборот, сдерживать их⁹. Иными словами, подобно тому как разрешительная внешняя среда делает каузально первичными внутренние характеристики государства, так и определенный институциональный дизайн и режимные особенности способны сделать личностные черты лидера значимыми для объяснения международно-политических действий государства.

⁹ *Ibid.*: 33—34.

Соответственно, логика нашего исследования выглядит следующим образом. Мы шаг за шагом фиксируем средовые условия, сначала на международном, а затем на внутригосударственном уровне, подбирая их так, чтобы рельефнее высветить фактор лидера. Личные качества людей, принимающих внешнеполитические решения¹⁰, играют немаловажную роль, влияя на реакцию государства на внешние стимулы¹¹. Поскольку поступающая информация неизбежно проходит через определенные «когнитивные фильтры»¹², в качестве которых выступают ценности, убеждения и ментальные образы лидеров¹³, перцепцией становится итог того, как в силу индивидуальных особенностей последние воспринимают сигналы, угрозы и события. Однако эти «фильтры» приобретают ключевое значение лишь тогда, когда внешние и внутренние средовые условия оказываются достаточно разрешительными.

¹⁰ *Рипсман и ее соавторы называют их руководителями внешней политики (Ibid.: 61).*

¹¹ *Ibid.*: 63.

¹² *Jervis 1976: 3—5.*

¹³ *Ripsman, Taliaferro, and Lobell 2016: 62.*

Разрешительная международная среда. Африка

¹⁴ *См. Polity IV s.a.*

Африка — плодотворное поле для политических исследований в силу огромного числа авторитарных персоналистских режимов, гражданских войн, сложной этнической мозаики общества и случаев вождизма в политике¹⁴. Однако для нашего исследования критически зна-

чимо другое свойство Африки — это уникальная региональная система, в которой исключительно высокий уровень конфликтности (гражданские войны, вооруженные межгосударственные споры) сочетается с надежностью существования государств. По справедливому, хотя и жесткому замечанию Роберта Джексона, африканские государственные образования являются квазигосударствами — в том смысле, что их сохранение в большей мере гарантируется международными нормами, нежели их собственными материальными возможностями¹⁵.

¹⁵ Jackson 1987: 519—520; 526—529.

Современная африканская государственная система — в значительной степени продукт колониального порядка¹⁶. Европейская модель нации-государства плохо соотносится с африканским контекстом. Формат национальных государств зародился именно в Европе потому,

¹⁶ Herbst 2014: 25—27.

что государства там постоянно стремились к расширению горизонтов своих владений¹⁷. Данный формат — своего рода итог политических и экономических процессов, первоначально нацеленных на накопление ресурсов для военных кампаний, которые в свою очередь были нужны для того, чтобы аккумулировать капитал и направлять его обратно в военную сферу¹⁸.

¹⁷ Tilly 1992: 16.

Как отмечает, говоря о нациях-государствах в Европе, Чарльз Тилли, «растущий масштаб войны и увеличение коммерческого, военного и дипломатического взаимодействия в конечном счете обеспечили преимущество в мощи тех политических образований, которые располагали достаточными объемами живой силы и финансов, а также относительно дифференцированной экономикой»¹⁹.

¹⁸ Ibid.: 14—15.

¹⁹ Ibid.: 15.

Со временем соответствующая форма государственности стала доминирующей в Европе и по мере расширения европейской политической и экономической экспансии распространилась на другие части света. При этом, будучи навязанной извне, в абсолютном большинстве случаев она так и не смогла в полной мере укорениться за пределами европейского ареала²⁰.

²⁰ Ibid.: 61.

Важно учитывать, что до начала процесса деколонизации Африка не знала национальных государств²¹. Специфика государственного строительства на континенте привела к тому, что там сложились особые регистры управления, предполагающие выраженную авторитарную составляющую. В силу традиций, клановости, постоянной борьбы за ресурсы, перманентной необходимости быть начеку у лидеров африканских государств обострено чувство военной угрозы и своей исключительной роли в противостоянии ей.

²¹ Young 1997: 9—10.

Ввиду специфики государственного строительства и фактического отсутствия в Африке национальных государств в африканском контексте невозможно говорить о международных конфликтах в конвенциональном их понимании, а также о четком разграничении между международными и гражданскими вооруженными столкновениями²².

²² Herbst 2014: 30—31.

В отличие от европейской модели, в Африке отсутствуют явно обозначенные пограничные и буферные зоны, а политические границы носят искусственный характер, не отражая реального расселения этнических, религиозных, племенных групп²³, что порождает тенденцию к интернационализации конфликтов.

²³ Ibid.: 24—26.

Описанная специфика и высокая конфликтность среды позволяют предположить, что в африканском контексте наличие у государственных лидеров военного опыта — довольно распространенный феномен, особенно с учетом значительной турбулентности и нестабильности, наблюдавшейся в регионе во второй половине XX в.

Следует также отметить, что, как показано в исследовании Кристофера Клэпема, африканские правители используют присутствие своей страны на мировой арене, в том числе в ситуациях конфликта, для удержания власти, подписывая международные конвенции, призванные обеспечить государственный суверенитет, и нарушая их же, чтобы усилить внутренний контроль²⁴. Иначе говоря, в условиях Африки внешняя политика часто, если не в большинстве случаев, выступает средством поддержания устойчивости режима²⁵.

²⁴ Clapham 1996: 5.

²⁵ Ibid.: 270—273.

**Разрешительная
внутренняя
среда.
Авторитаризм**

Большинство исследователей сходятся в том, что повышенное влияние авторитарных лидеров на принятие решений, в том числе в области внешней политики, связано с институциональным дизайном соответствующих режимов, как правило не предусматривающим присутствия демократических механизмов сдерживания. При демократиях лидеры уязвимы перед волей народа, что удерживает его от развязывания войн, особенно рискованных²⁶. Угроза «наказания» на выборах и невозможность игнорирования настроений в обществе в период пребывания у власти заставляют демократических лидеров быть чрезвычайно осторожными при объявлении войн и прибегать к применению вооруженной силы только при наличии весомых гарантий победы²⁷. Аналогичным образом демократические лидеры опасаются втягивания в войны, которые могут затянуться, поскольку по мере увеличения числа жертв общественная поддержка войны неизбежно ослабевает²⁸.

²⁶ Reiter and Stam 2002: 19.

²⁷ Ibid.: 19—20.

²⁸ Ibid.: 19—21.

Авторитарные лидеры более склонны к развязыванию войн, так как военное поражение не означает для них неминуемой потери власти. Существенно меньшее, чем в демократиях, количество механизмов отрешения от должности повышает готовность таких лидеров идти на риск и нести издержки, сопряженные с поражением²⁹. Институты в автократиях служат не столько «правилами игры», ограничивающими власть, сколько инструментами контроля над союзниками по правящей коалиции³⁰. И хотя они способны предотвращать ненужные, дестабилизирующие конфликты в политической сфере, это происходит только тогда, когда институционализированные «правила игры» основаны на взаимной выгоде ключевых игроков³¹.

²⁹ Ibid.: 20.

³⁰ Svoblik 2012: 15.

³¹ Ibid.: 15.

Причины большей свободы авторитарных лидеров по сравнению с демократическими раскрывает также предложенная Джорджем Цебелисом концепция вето-игроков, под которыми понимаются коллективные или индивидуальные акторы, чье согласие необходимо для изменения status quo³². Каждая политическая система имеет определенную конфигурацию вето-игроков. И если для демократических стран

³² Tsebelis 2002: 2.

характерно значительное многообразие как коллективных (например, партии), так и индивидуальных (например, главы правительств, парламента, президенты) акторов, потенциально способных блокировать то или иное решение, то в авторитарных, ввиду наличия целого ряда ограничений, касающихся распространения информации, свободы слова и ассоциаций, права голосовать и быть избранным и т.д., их число кардинально меньше³³, что делает лидеров таких стран гораздо менее связанными в своих действиях.

³³ *Ibid.*: 68—69.

Таким образом, внутреннюю среду в авторитарных режимах можно квалифицировать как в высокой степени разрешительную. Именно в подобной среде в полной мере проявляется роль лидеров, их представлений и мировоззрения. Важно также, что авторитарные режимы в принципе склонны к разрешению политических конфликтов грубой силой³⁴; эта установка работает и в сфере внешней политики.

³⁴ *Svolik 2012*: 16.

Прошлый опыт лидера

Общепризнанно, что предпочитаемые типы стратегий, способы реагирования на проблемы и оценка потенциальных издержек своего выбора во многом зависят от бэкграунда людей. Накопленный опыт играет существенную роль в формировании «образов», которые определяют взаимодействие с внешним миром и его понимание. Эти «образы» в высшей степени персонализированы, более того, их нелегко изменить: произошедшие в прошлом события укореняются в сознании и потом «всплывают», действуя как «когнитивные фильтры»³⁵.

³⁵ *Ripsman, Taliaferro, and Lobell 2016*: 62.

Наличие военного опыта — важный фактор, имеющий прямое отношение к тому, как лидеры оценивают допустимость и полезность применения военной силы. Этот опыт, как правило, приобретается в юношеском или в раннем зрелом возрасте, когда происходит становление личности³⁶. Пережитое на этом этапе оказывает глубокое влияние на человека, в том числе на его склонность к риску, что может проявиться после занятия им лидерского поста³⁷. Существуют исследования, демонстрирующие, что предрасположенность к милитаристскому поведению может порождаться уже самим по себе прохождением военной службы³⁸, поскольку сформированный в ходе нее опыт применения насилия подталкивает человека к восприятию силовых методов в качестве оптимального средства решения политических проблем. По заключению Тодда Сечсера, аналогичный эффект имеют и связи с военными³⁹. Но еще более значимо в этом плане участие в боевых действиях: как показывает исследование Грегори Бранка, Дональда Секреста и Говарда Тамаширо, участие в боевых действиях значительно понижает чувствительность к риску⁴⁰.

³⁶ *Horowitz and Stam 2014*: 531.

³⁷ *Ibid.*: 531—532.

³⁸ См., напр. *Snyder 1989*; *Horowitz and Stam 2014*: 532.

³⁹ *Sechser 2004*: 750—751.

⁴⁰ *Brunk, Secrest, and Tamashiro 1990*: 101.

Однако у военного опыта есть и другая сторона. Как обнаружил Сэмюэль Хантингтон, хотя профессиональные военные и склонны смотреть на мир сквозь призму потенциальных угроз, им свойствен известного рода консерватизм в отношении силовых методов. Согласно его наблюдениям, «военные обычно не поддерживают безрассудные,

⁴¹ Huntington 1957:
69—71.

агрессивные вооруженные действия» и «редко выступают за войну», полагая, что «к войне следует прибегать лишь в качестве последнего средства»⁴¹.

Гипотезы исследования

Исходя из приведенных выше аргументов, правомерно предположить, что лидер, имеющий за плечами военный опыт, будет более предрасположен к милитаристским решениям и чаще инициировать вооруженные столкновения. Соответственно, наша основная гипотеза звучит так:

H₁: Наличие у государственного лидера военного опыта положительно связано с повышенной конфликтностью в государственной политике.

Однако военный опыт может быть разным и, следовательно, оказывать на человека разное влияние. В связи с этим представляется целесообразным выделить три типа такого опыта: (1) служба в армии без участия в боевых действиях (преимущественно штабная); (2) личное участие в боевых действиях; (3) участие в повстанческих вооруженных формированиях.

Люди со штабным опытом, которым не приходилось бывать непосредственно на поле боя, не оказывались и в зонах высокого риска, что повышает вероятность недооценки ими изъяснов военной стратегии. Отсутствие практических представлений о том, как применяется сила, чего стоит победа, каковы материально-технические издержки вооруженного столкновения и чем чревато поражение, по-видимому, должно поощрять склонность лидеров к авантюризму и агрессивности в политике. Отсюда наша следующая гипотеза:

H₂: Лидеры со штабным военным опытом более склонны инициировать вооруженные конфликты.

Прямо противоположным образом дело обстоит с лидерами, обладающими реальным боевым опытом. Как уже отмечалось, военные выступают против безрассудных или чрезмерно рискованных действий, понимая цену и возможные последствия войны. Другими словами, стимулируя бдительность и внимание к поддержанию обороноспособности страны, боевой опыт вместе с тем должен служить сдерживающим фактором с точки зрения склонности лидера к использованию военных способов решения политических проблем. Исходя из этого, можно сформулировать такую гипотезу:

H₃: Лидеры, имеющие боевой опыт, менее склонны инициировать вооруженные конфликты.

Особого внимания заслуживает наличие у лидера опыта участия в повстанческом движении, что в африканском контексте довольно частое явление. Как показывает исследование Джеффа Колгана, революционные режимы в принципе демонстрируют повышенную воинственность⁴², то же относится и к их лидерам. Участие в мятеже — чрезвычайно рискованный выбор, который накладывает отпечаток на психику и дальнейшую социализацию человека⁴³. При этом речь идет не только о привычке к риску, но и об ориентации на силовое достижение своих целей. Из этого вытекает последняя наша гипотеза:

H₄: Лидеры с повстанческим опытом более склонны инициировать вооруженные конфликты.

Данные и методы

Для проверки гипотез нами была создана собственная база данных, в которой мы агрегировали информацию по всем использованным при анализе переменным (см. Приложение). Сведения о лидерах и их прошлом военном опыте были почерпнуты из базы данных Archigo⁴⁴. Поскольку, согласно нашей общей теоретической модели, влияние лидеров на принятие решений, в том числе по вопросам войны и мира, особенно велико в автократических режимах, при составлении выборки мы опирались на разработанный в рамках проекта Polity индекс демократичности⁴⁵, принимающий значения от -10 (полная автократия) до 10 (полная демократия), включив в нее лидеров только тех стран, чей индекс варьирует от -10 до 5 (то есть, согласно квалификации проекта Polity, автократий и анократий). Всего в нашу выборку вошли 248 деятелей, возглавлявших африканские государства в период с 1945 по 2005 г.

В роли *зависимой переменной* в нашем исследовании выступало инициирование милитаризованных конфликтов. Учитывая отмеченную выше специфику Африки, затрудняющую четкое разграничение между народными и гражданскими вооруженными противостояниями, при идентификации таких конфликтов мы отталкивались от дефиниции, предложенной составителями базы данных UCDP/PRIО (откуда и черпалась соответствующая информация⁴⁶), квалифицирующими вооруженные конфликты как «оспариваемую несовместимость, касающуюся правительства и/или территории, где применение вооруженной силы между сторонами, по крайней мере одна из которых является правительством государства, приводит по меньшей мере к 25 смертям за календарный год»⁴⁷. Переменная носит бинарный характер: если государство в определенном году инициировало конфликт, ей присваивалось значение 1, если нет — 0.

Бинарными являются и три наших *независимых переменных*.

Военная служба (military service) кодировалась как 1, если у лидера был армейский опыт, не предполагавший прямого участия в боевых действиях (в противном случае — 0).

⁴² Colgan 2013.

⁴³ Mkandawire 2002: 181.

⁴⁴ См. Goemans, Gleditsch, and Chiozza 2009.

⁴⁵ См. Polity IV s.a.

⁴⁶ UCDP/PRIО Armed Conflict Dataset s.a. См. также Gleditsch et al. 2002.

⁴⁷ Pettersson 2021.

Боевой опыт (combat experience) кодировался как 1 при наличии доказательств, что во время службы в армии лидер находился в зоне активных боевых действий и подвергался риску смерти (в противном случае — 0).

Повстанческий опыт (rebel experience) кодировался как 1, если лидер участвовал в повстанческом движении, включая военный переворот (в противном случае — 0).

В качестве **контрольных** использовались три группы переменных.

1. *Экономические переменные* — среднее арифметическое значение ВВП на душу населения, численности населения и военных расходов за период нахождения лидера у власти. Применительно к ВВП мы опирались на данные Всемирного банка⁴⁸, сведения о численности населения и военных расходах почерпнуты из базы данных проекта Correlates of War⁴⁹. Ввиду существенного разброса экономических переменных они были подвергнуты логарифмическому преобразованию, позволившему сделать распределения интенсивностей и «скошенные» значения более симметричными и нормализованными.

2. *Институциональные переменные* — показатели страны по индексу демократичности (Polity IV) и число лет, прошедших с момента обретения ею независимости.

3. *Итоги конфликта, в котором участвовал лидер до прихода к власти*. Переменные этой группы тоже относятся к категории бинарных.

Если лидер участвовал в вооруженном конфликте (засчитанном проектом Correlates of War как меж- либо внутрисоюзная война) в качестве военнослужащего и его сторона выиграла, *исход военных действий* (war results) кодировался как 1, если проиграла — как 0.

Если лидер участвовал в вооруженном конфликте (засчитанном проектом Correlates of War как меж- либо внутрисоюзная война) в качестве повстанца и его сторона выиграла, *исход повстанческих действий* (rebel results) кодировался как 1, если проиграла — как 0.

Гипотезы тестировались с помощью биномиальной регрессии. При анализе была задействована обобщенная линейная модель, измеряющая взаимосвязь между зависимой и одной или несколькими независимыми переменными путем оценки вероятностей с использованием логистической функции, представляющей собой кумулятивное логистическое распределение.

⁴⁸ World Development Indicators s.a.

⁴⁹ Militarized Interstate Disputes s.a.

Результаты

В табл. 1 приведены результаты регрессионного анализа.

В модели 1 представлены независимые переменные, отраженные в гипотезах, — военная служба, боевой и повстанческий опыт. Все они оказались статистически значимыми.

Полученные в ходе анализа коэффициенты показывают, что при наличии у лидера *военного (штабного) прошлого* статистическая вероятность инициирования им конфликта в 2,7 раза (на 170%) выше, чем

Таблица 1 Результаты логистической регрессии

	<i>Инициирование конфликта</i>				
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Военная служба	1,709*** (0,534)				1,507** (0,611)
Боевой опыт	-1,089* (0,559)				-1,310** (0,644)
Повстанческий опыт	0,904*** (0,0321)				0,854** (0,389)
Военные расходы		0,191 (0,357)			0,301 (0,396)
Численность населения		0,369 (0,447)			0,449 (0,505)
ВВП на душу населения		0,143 (0,552)			0,107 (0,590)
Индекс демократичности			-0,027 (0,027)		0,010 (0,032)
Время после обретения независимости			0,003 (0,009)		-0,020 (0,012)
Исход военных действий				2,311** (1,057)	1,990* (1,107)
Исход повстанческих действий				1,108 (0,680)	0,869 (0,879)
Наблюдения	246	212	235	248	204

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$; в скобках приведены стандартные ошибки

при отсутствии такового. Увеличивает вероятность инициирования военных действий и участие в повстанческих группировках (на 90%). Что касается боевого опыта, то его влияние прямо противоположно: вероятность того, что лидеры с боевым опытом будут инициировать военные конфликты, в два раза ниже, чем в случае лидеров, не бывавших на поле боя. Это позволяет говорить о валидности всех трех альтернативных гипотез (существенно превосходящих в этом плане основную с долей ошибки $p < 0,05$).

Таким образом, можно утверждать, что профессиональная социализация накладывает серьезный отпечаток на поведение лидера в военнизированных спорах. Хотя, казалось бы, военный опыт (в различных его формах) приобретался лидером задолго до вступления в должность, он оказывает систематическое влияние на его решения. Это наглядно демонстрирует справедливость тезиса о том, что произошедшие в прошлом события, укоренившись в сознании, действуют как «когнитивные

фильтры». Прошлый военный опыт лидера имеет прямое отношение к тому, как он оценивает полезность применения военной силы.

Следующие три модели включают в себя контрольные переменные: экономические (*модель 2*), институциональные (*модель 3*) и связанные с исходом военных и повстанческих действий (*модель 4*). Примечательно, что среди этих переменных действительно высокую статистическую значимость показывает только исход предыдущих военных действий. Наиболее релевантным здесь нам видится следующее объяснение: опыт победы создает у человека иллюзию собственного превосходства, порождая уверенность в том, что подобным образом завершатся любые аналогичные действия. Как справедливо отмечает Эдвард Люттвак, «в случае победы все привычные приемы, процедуры, тактические решения, командные структуры и методы армии однозначно признаются неоспоримо верными или даже блистательными»⁵⁰. В свою очередь поражение «не просто обостряет критические способности: при правильном отношении налицо меньше сопротивления предложениям по исправлению ситуации, поскольку поражение лишает опоры сторонников сохранения статус-кво»⁵¹.

⁵⁰ Люттвак 2021: 46.

⁵¹ Там же: 45.

Особо стоит остановиться на переменной «индекс демократичности», призванной зафиксировать влияние внутренней разрешительной среды (авторитаризма). Тот факт, что эта переменная оказалась статистически незначимой, по всей видимости, объясняется особенностями нашей выборки, куда изначально вошли только лидеры стран с авторитарными и анократическими режимами. Не исключено также, что разработанный Polity индекс мало пригоден в африканском контексте с учетом присущих континенту проблем с консолидацией власти, а также характерной для него децентрализованной структуры управления и традиционалистской культуры лидерства. В этих условиях крайне сложно измерить уровень демократичности, в частности конкурентность и открытость институтов ротации, оценка которых играет важнейшую роль в индексе Polity.

Модель 5, охватывающая все исследуемые переменные, подтверждает выявленные закономерности. Независимые переменные сохраняют свою статистическую значимость, среди независимых таковой обладал исключительно исход предыдущих военных действий. При этом выясняется, что опыт победы усиливает склонность к милитарным решениям именно у лидеров со штабным или повстанческим опытом.

* * *

Итак, проведенное исследование подтвердило, что наличие военного опыта оказывает серьезное и устойчивое влияние на последующее поведение лидеров, а тем самым (в условиях авторитарных режимов) на конфликтный потенциал возглавляемых ими стран. Лидеры, в свое время прошедшие через армию, но не бывавшие на поле боя, существенно чаще инициируют военные конфликты, чем те, кто либо не служил

в вооруженных силах, либо в составе таковых лично участвовал в боевых действиях. В свою очередь те, кому приходилось принимать участие в боях, заметно меньше других предрасположены делать ставку на военные методы, но лишь в том случае, если речь не идет о сражениях в рамках повстанческих движений. Одним из следствий повстанческого опыта является привычка к риску, что повышает склонность лидеров к военным авантюрам.

Подводя итог, можно констатировать, что бэкграунд лидера действительно во многом отражается на его поведенческих и иных установках. И это касается не только военного опыта. В связи с этим представляется чрезвычайно важным учитывать данный фактор в политических, в том числе международно-политических, исследованиях.

Библиография

- Люттвак Э. (2021) *Стратегия: Логика войны и мира*. М.: АСТ.
- Brunk G.G., D.Secret, and H.Tamashiro. (1990) «Military Views of Morality and War: An Empirical Study of the Attitudes of Retired American Officers» // *International Studies Quarterly*, vol. 34, no. 1: 83–109.
- Byman D.L. and K.M.Pollack. (2001) «Let Us Now Praise Great Men: Bringing the Statesman Back» // *International Security*, vol. 25, no. 4: 107–146.
- Clapham C. (1996) *Africa and the International System: The Politics of State Survival*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Colgan J.D. (2013) «Domestic Revolutionary Leaders and International Conflict» // *World Politics*, vol. 65, no. 4: 656–690.
- Gleditsch N.P., P.Wallensteen, M.Eriksson, M.Sollenberg, and H.Strand. (2002) «Armed Conflict 1946–2001: A New Dataset» // *Journal of Peace Research*, vol. 39, no. 5: 615–637.
- Goemans H.E., K.S.Gleditsch, and G.Chiozza. (2009) «Introducing Archigos: A Dataset of Political Leaders» // *Journal of Peace Research*, vol. 46, no. 2: 269–283. URL: https://www.researchgate.net/publication/237748368_Introducing_Archigos_A_Dataset_of_Political_Leaders (accessed on 22.02.2023).
- Herbst J. (2014) *States and Power in Africa: Comparative Lessons in Authority and Control*. Princeton: Princeton University Press.
- Horowitz M.C. and A.C.Stam. (2014) «How Prior Military Experience Influences the Future Militarized Behavior of Leaders» // *International Organization*, vol. 68, no. 3: 527–559.
- Huntington S.P. (1957) *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. Cambridge: The Belknap Press; Harvard University Press.
- Jackson R.H. (1987) «Quasi-States, Dual Regimes, and Neoclassical Theory: International Jurisprudence and the Third World» // *International Organization*, vol. 41, no. 4: 519–549.
- Jervis R. (1976) *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton: Princeton University Press.

Khrushchev N. (1962) «Department of State Telegram Transmitting Letter from Chairman Khrushchev to President Kennedy, October 26, 1962» // *John F. Kennedy Presidential Library & Museum*. URL: <https://microsites.jfklibrary.org/cmc/oct26/doc4.html> (accessed on 12.12.2022).

«Militarized Interstate Disputes» // *Correlates of War*. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/MIDs> (accessed on 20.12.2022).

Mkandawire Th. (2002) «The Terrible Toll of Post-Colonial „Rebel Movements“ in Africa: Towards an Explanation of the Violence against the Peasantry» // *The Journal of Modern African Studies*, vol. 40, no. 2: 181—215.

«National Material Capabilities» // *Correlates of War*. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed on 20.12.2022).

Pettersson T. (2021) *UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook. Version 21.1*. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/replication_data/2021_ucdp-prio-acd-211.pdf (accessed on 20.02.2023).

Polity IV Individual Country Regime Trends, 1946—2013. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (accessed on 20.12.2022).

Reiter D. and A.C.Stam. (2002) *Democracies at War*. Princeton: Princeton University Press.

Ripsman N.M., J.W.Taliaferro, and S.E.Lobell. (2016) *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. New York: Oxford University Press.

Sechser T. S. (2004) «Are Soldiers Less War-Prone than Statesmen?» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 48, no. 5: 746—774. URL: https://fsi-live.s3.us-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/Sechser_2004.pdf (accessed on 20.02.2023).

Snyder J. (1989) *The Ideology of the Offensive Military Decision Making and the Disasters of 1914*. Ithaca, New York: Cornell University Press.

Svolik M.W. (2012) *The Politics of Authoritarian Rule*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tilly C. (1992) *Coercion, Capital, and European States: AD 990—1992*. Cambridge (MA): Blackwell.

Tsebelis G. (2002) *Veto Players: How Political Institutions Work*. New York: Russell Sage Foundation; Princeton University Press.

UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/> (accessed on 20.12.2022).

World Development Indicators. GDP per Capita. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (accessed on 20.12.2022).

Young C. (1997) *The African Colonial State in Comparative Perspective*. New Haven: Yale University Press.

ПРИЛОЖЕНИЕ

База данных (образец)

state	leader_name	inyear	outyear	Independent variables			Dependent variables	Control variables						
				milservice	combat	rebel		The result of the conflict		Institutional factors		Economic factors		
								war_result	rebel_result	years_after_independence	polity	GDP_per_capita	population	military_exp
EGY	Farouk	1936	1952	0	0	0	0	0	14	-7	18443	44721		
ETH	Sellassie	1941	1972	0	0	0	1	0	0	-6	20960	115821		
LBR	Tubman	1944	1971	1	1	0	0	0	0	-6	893	1432		
SAF	Malan	1948	1954	0	0	0	0	38	4	4	13402	54021		
LIB	Idris	1951	1969	0	0	0	0	0	-7	-7	1355	12273		
GHA	Nkrumah	1952	1966	0	0	0	1	0	-7	-7	220,00	20742		
EGY	Naguib	1952	1954	1	1	1	1	30	-7	-7	21947	113528		
SAF	Strijdom	1954	1958	0	1	0	0	44	4	4	15270	61824		

M.E.Nikitin
**MILITARY EXPERIENCE
 OF STATE LEADERS
 AND CONFLICT POTENTIAL
 OF AUTHORITARIAN REGIMES
 CASE OF AFRICA**

Maksim E. Nikitin — B.A. in Political Science, Moscow School of Social and Economic Sciences and the University of Manchester (BA (Hons) in International Politics); MA Student in the Evidence-Based Development of Education Program, HSE University. Email: mxn@universitas.ru.

Abstract. In the last decade, the International Political Science has witnessed an emergent trend to put an individual back to the focus of research. A growing number of researchers acknowledge that in order to understand the behavior of the state, it is necessary to take into account attitudes and behavior of state leaders. They assume that such a view angle will help to defy a cliché perception, according to which conflict situations arise solely due to the influence of exogenous factors, and if a certain event occurred, it only happened because it was determined by the external environment.

The article attempts to analyze the influence of the military experience of state leaders on their countries' participation in armed conflicts using the case of the authoritarian regimes in Africa. Employing the method of regression analysis, the author traces how the past military experience is reflected in the proneness of a state leader to conflict actions in the foreign policy sphere. He focuses on three types of such experience: (1) military service without participation in military actions (mainly staff work); (2) personal participation in military actions; (3) participation in rebel formations.

The conducted research proves that military experience has a significant and robust influence on the subsequent behavior of leaders. If a state leader used to serve in the military as a staff group member, the probability that he will initiate an armed conflict is 2.7 times higher than in the absence of such experience. Participation in rebel groups increases the likelihood of initiating military actions as well. In contrast, combat experience in the military has the opposite effect: leaders with combat experience are only half as likely to initiate military conflicts as leaders who have not been to the battlefield.

Keywords: state leaders, military experience, armed conflicts, authoritarian regimes, Africa

References

- Brunk G.G., D.Secret, and H.Tamashiro. (1990) "Military Views of Morality and War: An Empirical Study of the Attitudes of Retired American Officers" // *International Studies Quarterly*, vol. 34, no. 1: 83–109.
- Byman D.L. and K.M.Pollack. (2001) "Let Us Now Praise Great Men: Bringing the Statesman Back" // *International Security*, vol. 25, no. 4: 107–146.
- Clapham C. (1996) *Africa and the International System: The Politics of State Survival*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Colgan J.D. (2013) "Domestic Revolutionary Leaders and International Conflict" // *World Politics*, vol. 65, no. 4: 656–690.
- Gleditsch N.P., P.Wallensteen, M.Eriksson, M.Sollenberg, and H.Strand. (2002) "Armed Conflict 1946–2001: A New Dataset" // *Journal of Peace Research*, vol. 39, no. 5: 615–637.
- Goemans H.E., K.S.Gleditsch, and G.Chiozza. (2009) "Introducing Archigos: A Dataset of Political Leaders" // *Journal of Peace Research*, vol. 46, no. 2: 269–283. URL: https://www.researchgate.net/publication/237748368_Introducing_Archigos_A_Dataset_of_Political_Leaders (accessed on 22.02.2023).
- Herbst J. (2014) *States and Power in Africa: Comparative Lessons in Authority and Control*. Princeton: Princeton University Press.
- Horowitz M.C. and A.C.Stam. (2014) "How Prior Military Experience Influences the Future Militarized Behavior of Leaders" // *International Organization*, vol. 68, no. 3: 527–559.
- Huntington S.P. (1957) *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. Cambridge: The Belknap Press; Harvard University Press.
- Jackson R.H. (1987) "Quasi-States, Dual Regimes, and Neoclassical Theory: International Jurisprudence and the Third World" // *International Organization*, vol. 41, no. 4: 519–549.
- Jervis R. (1976) *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton: Princeton University Press.
- Khrushchev N. (1962) "Department of State Telegram Transmitting Letter from Chairman Khrushchev to President Kennedy, October 26, 1962" // *John F. Kennedy Presidential Library & Museum*. URL: <https://microsites.jfklibrary.org/cmc/oct26/doc4.html> (accessed on 12.12.2022).
- Luttwak E. (2021) *Strategija: Logika vojny i mira* [Strategy: The Logic of War and Peace]. Moscow: ACT. (In Russ.)
- "Militarized Interstate Disputes" // *Correlates of War*. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/MIDs> (accessed on 20.12.2022).
- Mkandawire Th. (2002) "The Terrible Toll of Post-Colonial „Rebel Movements“ in Africa: Towards an Explanation of the Violence against the Peasantry" // *The Journal of Modern African Studies*, vol. 40, no. 2: 181–215.
- "National Material Capabilities" // *Correlates of War*. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed on 20.12.2022).

Pettersson T. (2021) *UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook. Version 21.1*. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/replication_data/2021_ucdp-prio-acd-211.pdf (accessed on 20.02.2023).

Polity IV Individual Country Regime Trends, 1946–2013. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (accessed on 20.12.2022).

Reiter D. and A.C.Stam. (2002) *Democracies at War*. Princeton: Princeton University Press.

Ripsman N.M., J.W.Taliaferro, and S.E.Lobell. (2016) *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. New York: Oxford University Press.

Sechser T. S. (2004) “Are Soldiers Less War-Prone than Statesmen?” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 48, no. 5: 746–774. URL: https://fsi-live.s3.us-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/Sechser_2004.pdf (accessed on 20.02.2023).

Snyder J. (1989) *The Ideology of the Offensive Military Decision Making and the Disasters of 1914*. Ithaca, New York: Cornell University Press.

Svolik M.W. (2012) *The Politics of Authoritarian Rule*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tilly C. (1992) *Coercion, Capital, and European States: AD 990–1992*. Cambridge (MA): Blackwell.

Tsebelis G. (2002) *Veto Players: How Political Institutions Work*. New York: Russell Sage Foundation; Princeton University Press.

UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/> (accessed on 20.12.2022).

World Development Indicators. GDP per Capita. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (accessed on 20.12.2022).

Young C. (1997) *The African Colonial State in Comparative Perspective*. New Haven: Yale University Press.